

роев и не их внутренний мир, а те социально-бытовые ситуации, в которых они оказываются, и те общественные группы, представителями и моделями которых они являются¹³.

Легко понять, что эти положения корреспондируют скорее с программой натурализма, излагавшейся Эмилем Золя на страницах «Вестника Европы» в 1875—1880 гг., чем с принципами реалистического метода. Определенная параллель обнаруживается и в полемической направленности литературно-критических сочинений Золя и Боборыкина. Если застрельщик французского натурализма видел главного врага его в романтизме, то Боборыкин, защищая право художника на объективизм и бесстрастное бытописание, с не меньшим рвением сражался с «тенденциозной», «гоголевской» традицией русской литературы.

И все же было бы опрометчивым безоговорочно считать книгу «Европейский роман в XIX столетии» исключительно манифестом русского натурализма. Дело здесь не в том, что Боборыкин, особенно в первой — западноевропейской — части своего исследования, тщательно оговаривает все несовпадения своей позиции с теориями Эмиля Золя или Ипполита Тэна. Дело в том, что фактический материал, введенный автором в книгу, шире и многограннее, чем ее концепция, а конкретные оценки и соображения зачастую куда более точны и верны, чем общие положения. Фундаментальное исследование Боборыкина по праву должно рассматриваться как уникальный свод свидетельских показаний писателя, в течение 60 лет активно работавшего в литературе, как определенный фрагмент истории общественно-литературной борьбы.

---

¹³ «Идеи и темпераменты заменили судьбу ... Исключительный интерес к одному действующему лицу ... отходит на задний план, и „приключения“ уступают место развитию одной какой-нибудь творческой идеи, которая позволяет автору дать... картину уже не индивидуальной, а собирательной психической жизни» (там же, с. 219, 220).